

Л.Я. Кобелев

ВСТРЕЧИ С НИКОЛАЕМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ

В конце 50-х годов группа свердловских молодых физиков-теоретиков, возглавляемая П.С. Зыряновым (талантливым ученым и исключительно интересным человеком, трагически погибшим в автомобильной катастрофе в 1974 году), начала сотрудничать с Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским. Николай Владимирович недавно приехал в Свердловск из закрытого предприятия Челябинской области и работал в Уральском филиале АН СССР. В стране было время торжества «мичуринской генетики» и мракобесия Лысенко. Николай Владимирович, активно отрицавший лысенковские идеи, открыл перед молодыми физиками мир новых для них идей настоящей генетики, хотя и далекий от физики, но чрезвычайно увлекательный. Экспериментальные работы по радиационной генетике он проводил на биостанции, располагавшейся в то время на территории Ильменского заповедника на берегу чрезвычайно красивого озера Большое

Миассово. Каждое лето на биостанцию собирались известные ученые – биологи, математики, химики, геологи, медики и ученые других специальностей, поскольку это было единственное в стране место, где в те времена можно было свободно обсуждать любые

биологические проблемы. Кроме ученых, на биостанцию приезжали студенты биофизических групп из МГУ и ЛГУ на летнюю практику.

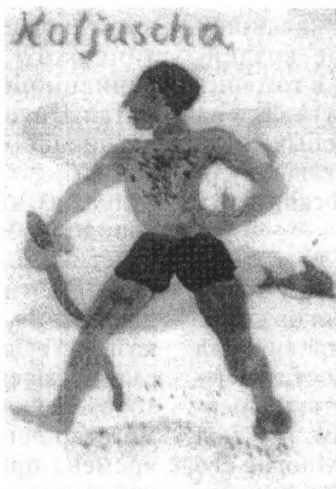
Летом 1960 года Павел Степанович Зырянов пригласил меня, с разрешения Николая Владимировича, на летние семинары в Миассово, которые проходили там каждый год летом в июле. Собрав рюкзаки и рубашки, наша маленькая группа, включавшая П.С. Зырянова, Г.Г. Талуща, В.М. Елеонского, поездом добралась до Челябинска, электричкой до Миасса и автобусом до остановки Машгородок. От Машгородка надо было идти 12–15 километров через сосновые леса и невысокие горы Ильменского хребта до озера Большое Миассово. Наконец – последняя гора, спуск вниз по проселочной дороге и впереди – озеро с несколькими одноэтажными домиками для сотрудников биостанции и двухэтажным, похожим на барак, лабораторным корпусом на берегу (см. фото).



В одном из этих домиков жил Николай Владимирович с сыном и женой. На берегу озера, в десятке метров от воды, были поставлены палатки для студентов. Мы пришли в обеденное время. Около палаток группами стояли юноши и девушки в шортах и майках. Был очень жаркий день. Недалеко от палаток под крышей размещались деревянные столы со скамейками.

Это была студенческая столовая. Рядом со столовой стояла большая группа студентов, окружившая немолодого широкоплечего человека в рубашке с короткими рукавами, что-то рассказывающего им. Мы были еще далеко и не могли разобрать его слов, но заметили то внимание, с которым его слушали. «Это Николай Владимирович, — сказал Павел Степанович, — пойдем представимся». Заметив нас, Николай Владимирович оставил студентов и пошел навстречу. Он обрадовался, узнав Павла Степановича. Павел Степанович представил меня.

Так я впервые увидел Николая Владимировича и сразу же попал под обаяние и мощь его огромного интеллекта; это обаяние сохранилось до сих пор. Каким я его увидел? Представьте себе доброжелательное, очень умное и энергичное лицо с громадным лбом, римским носом и густыми бровями. Средний рост, широкие плечи. Какая-то необыкновенная энергия и доброжелательность, исходящие от него, сразу привлекали и в какой-то мере подчиняли. Если бы Николай Владимирович посвятил себя не науке, а политике, он, несомненно, стал бы



великим политическим деятелем, так как умел привлекать и направлять работу окружающих его людей без руководящих указаний. В памяти остался его демократизм, при котором важным считались не степени и звания, а заинтересованность в работе и степень участия в ней. В присутствии Николая Владимировича невозможно было чинопочитание, он его высмеивал.

Поэтому академики, доктора наук, студенты были в его присутствии людьми равными, имеющими общие в данный момент интересы. Это сближало и создавало неповторимое очарование группы близких людей, занятых одним интересным делом — наукой.

Наука в Миассово была и целью, и способом жизни. Я думаю, что именно поэтому даже кратковременное пребывание в научной среде Миассово, где центром всегда был Николай Владимирович, не только запоминалось на всю жизнь, но и создавало новых ученых, сообщало им нечто невыразимое словами, но очень важное для всей научной жизни. Несомненно, Николай Владимирович был необыкновенным человеком. Он чем-то притягивал к себе людей, заставляя их своей увлеченностью менять научную тематику и заниматься радиационной биологией и генетикой. Именно так и поступили физики нашей группы, и лишь отъезд Николая Владимировича в Обнинск в 1964 году дал нам возможность вернуться к физике. Николай Владимирович был выдающимся ученым, основателем ряда наук, но, кроме того, он был и ги-

гантской личностью, оказавшей сильное положительное воздействие на многих ученых, в том числе и на меня. Его супруга, Елена Александровна, своей необычайной добротой и заботой создавала ему то окружение, которое помогало жить в то трудное время.

Что же запомнилось из летних семинаров в Миассово? Дружелюбие и открытость участников семинаров. Николай Владимирович был очень веселым, жизнерадостным человеком. Он любил шутить, поддерживал шутки других. Там, где был он, всегда было весело. Многие его афоризмы не только запоминались надолго, но ими часто руководствовались в жизни. Например: «Не надо работать со звериной серьезностью», «Человек делает не то, что надо, а то, что может». Семинары проходили в непринужденной обстановке. Каждый присутствующий мог прервать любого докладчика вопросами в любое время. Запомнился один из послеобеденных семинаров, когда из-за жары (семинары проходили под открытым небом на лужайке) все были очень вялыми, включая докладчика. Николай Владимирович предложил провести семинар на озере. Все с энтузиазмом поддержали эту идею. После 10-минутного перерыва участники семинара, надев на себя купальные принадлежности, залезли в озеро, выставив лишь головы. Два пожилых ученых держали плакаты, а докладчик, ступая по воде, указкой пояснял содержание работы. Именно научная непринужденность семинаров приводила к тому, что наука становилась не работой, а частью жизни.

Мне приходилось встречаться с НВ (так звали Николая Владимировича в его отсутствие) и в Свердловске. Так в 1961–1962 годах удалось преодолеть затруднения, организо-

вать цикл лекций для студентов физического факультета УрГУ по радиационной генетике, которые читал Николай Владимирович. На лекции приходило так много студентов (и не только физического факультета), что многие слушали их из коридора. Устраивались лекции по генетике и для преподавателей города. На этих лекциях Николай Владимирович, блестящий оратор, показывал всю вздорность так называемого лысенковского учения (о котором сейчас никто не помнит, кроме старшего поколения), что в те времена приводило многих слушателей в почти шоковое состояние. Он читал такие лекции в Москве, Ленинграде, Новосибирске и других крупных городах. С его лекций и началось восстановление нормальной биологии в стране.

Последний раз я встречался с Николаем Владимировичем в 1980 году в Москве, дома у Л.А. Блюменфельда, где Николай Владимирович раз в неделю проводил одну или две ночи, приезжая на работу в Москву из Обнинска. Как всегда, он был остроумен, полон жизни. Мне приходилось встречаться со многими выдающимися учеными, такими, как Л.Л. Власов, П.С. Зырянов, Ю.Л. Климонтович, В.П. Силин, А.А. Рухадзе, Е.Н. Яковлев, Л.А. Блюменфельд и другими, а с некоторыми из них и дружить. Я горжусь дружбой с ними. Тем не менее считаю, что мне очень повезло. Я встретил Н.В. Тимофеева-Ресовского и имел возможность общения с ним. Такие люди рождаются раз в столетие и составляют гордость и честь человечества, наряду с И. Ньютоном, А. Эйнштейном, А. Сахаровым и другими великими учеными. Чем дальше уходит время, тем более великой и значимой становится оценка их роли в судьбе науки и человечества.